

УДК 811.111'42

DOI: [https://doi.org/10.18524/2307-4604.2018.2\(41\).151349](https://doi.org/10.18524/2307-4604.2018.2(41).151349)

СЕНСОРНАЯ МЕТАФОРА И СИНЕСТЕЗИЯ КАК ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Статья 1

Колегаева И.М.

доктор филологических наук, профессор,
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
ORCID 0000-0002-5073-2184

В первой части статьи рассматривается проблема соотношения сигналов первой и второй сигнальной систем человека: каким образом сенсорные модальности человеческих ощущений (в данном случае зрительных и вкусовых) обозначаются вербальными единицами английского, украинского и русского языков. Лингвокогнитивный аспект исследования заключается, во-первых, в интересе к выбору сенсорного образа-прототипа, эксплицированного в дефиниционных статьях узусных лексем, которые в своем первом, основном значении обозначают единицы колористического и густаторного кодов. Английские, украинские и русские цветообозначения вербализуют сенсорную информацию о 8 частях цветового спектра (6 хроматических и 2 ахроматических), сенсорная информация о 4 базовых вкусах вербализуется единицами густаторного кода. В каждой из анализируемых лексем выделены дефинируемые в словарных статьях образы-прототипы – перцептивно воспринимаемые объекты, носители соответствующей качественной (вкусовой, цветовой) характеристики. Утверждается, что выбор образов-прототипов филогенетически обусловлен. Среди них (в зависимости от представленности во всех трех, двух или в одном из языков) выделены абсолютные, частотные и уникальные образы-прототипы. Рассмотрены случаи «размытого» характера колоронимаций как проявление неопределенности границ их значения – основополагающей характеристики частеречной (а именно адъективной) семантики. Внимание уделено детальному анализу синестезии как варианта сенсорной метафоры в микрогруппах номинаций колористического и густаторного кодов.

Ключевые слова: сигнальные системы, сенсорика, модальности восприятия, сенсорная метафора, синестезия, сенсорный образ-прототип, цветовые и густаторные номинации (английский, украинский, русский языки).

СЕНСОРНА МЕТАФОРА ТА СИНЕСТЕЗІЯ ЯК МОВНИЙ ФЕНОМЕН: ЛІНГВОКОГНІТИВНИЙ АСПЕКТ

Стаття 1

Колегаєва І.М.

доктор філологічних наук, професор,
Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

У першій частині статті розглядається проблема співвідношення сигналів першої і другої сигнальних систем людини: яким чином сенсорні модальності людських відчуттів (у даному випадку зорових і смакових) позначаються вербальними одиницями англійської, української та російської мов. Лінгвокогнітивний аспект дослідження полягає, по-перше, в інтересі до вибору сенсорного образу-прототипу, який експліковано в дефініційних статтях узусних лексем, що в своєму першому, основному значенні позначають одиниці колористичного і густаторного кодів. Англійські, українські та російські кольоропозначення вербалізують сенсорну інформацію про 8 частин спектра (6 хроматичних і 2 ахроматичних), сенсорна інформація про 4 базових смаки вербалізується одиницями густаторного коду. У кожній з аналізованих лексем виділені позначені в словникових статтях образи-прототипи – перцептивно сприймані об'єкти, носії

відповідної якісної (смакової, колірної) характеристики. Стверджується, що вибір образів-прототипів є філогенетично обумовленим. Серед них (в залежності від представленості у всіх трьох, двох або в одній з мов) виокремлюються абсолютні, частотні і унікальні образи-прототипи. Розглянуто випадки «розмитого» характеру колоронімацій як прояв невизначеності меж їх значення – основоположної характеристики частиномовної (а саме ад'єктивної) семантики. Увага приділена детальному аналізу синестезії як варіанту сенсорної метафори в мікрогрупах номінацій колористичного і густаторного кодів.

Ключові слова: сигнальні системи, сенсорика, модальності сприйняття, сенсорна метафора, синестезія, сенсорний образ-прототип, колірні і густаторні номінації (англійська, українська, російська мови).

SENSORY METAPHOR AND SYNESTHESIA AS A LANGUAGE PHENOMENON: LINGUOCOGNITIVE ASPECT

Article 1

Kolegaeva I.M.

doctor of philological sciences, professor,
Odessa I.I. Mechnikov national university

The first part of the article deals with the problem of the relationship between the signals of the first and second signal systems of a person: how sensory modalities of human sensations (in this case, visual and gustatory ones) are denoted by verbal units of the English, Ukrainian and Russian languages. The linguistic-cognitive aspect of the study consists, firstly, in highlighting a sensory prototype-image, explicated in the lexicographical definitions of language lexemes, which (lexemes) in their first, basic meaning; denote units of the colouristic and gustatory codes. English, Ukrainian and Russian colour terms verbalize sensory information on 8 parts of the colour spectrum (6 chromatic and 2 achromatic), sensory information on 4 basic tastes is verbalized by units of a gustatory code. In each of the analyzed lexemes, prototype-images, defined in the dictionary entries, are highlighted – they are perceptually perceived objects, the carriers of corresponding qualitative (taste, colour) characteristics. It is stated that the choice of prototype-images is phylogenetically determined. Among them (depending on their representation in all three, in two or in one of the languages) absolute, frequent and unique prototype images are differentiated. The cases of the “blurred” character of colour nominations are considered as a manifestation of the uncertainty of the boundaries of their colouristic values. The former is treated as the fundamental characteristics of part-of-speech (namely, adjectival) semantics. Attention is paid to the detailed analysis of synesthesia as a variant of the sensory metaphor in the microgroups of coloristic and gustatory code nominations.

Key words: signaling systems, sensorics, perception modalities, sensory metaphor, synesthesia, sensory image-prototype, colour and gustatory nominations (English, Ukrainian, Russian).

Введение

Человек – существо а) биологическое, б) духовное и мыслящее, в) социальное. В каждой из этих трех ипостасей человек взаимодействует с окружающим миром, который, в свою очередь, предстает как: а) совокупность материальных осязаемых сущностей, б) духовных феноменов и в) сложная сеть социальных связей и социальных структур. Взаимодействие с миром предполагает получение информации о нем, когнитивную обработку, осмысление этой информации и воздействие на него.

Мир материальных сущностей познается по модальным каналам разнообразной сенсорной информации. Человек как биологическое существо слышит, видит, осязает и т.п., получая сведения о мире через

сенсорные системы своего организма, каждая из которых специализируется на определенной сенсорной (чувственной) информации. К примеру, визуальный канал имеет зрительные рецепторы, перерабатывающие специфицированные раздражения в электрические импульсы, поступающие в строго определенные участки головного мозга, где они преобразуются в «картинки». Человек «видит» не глазами, а мозгом, также, как и «слышит» не ушами, а мозгом. Э.Хилгард утверждает, что именно «в мозге электрический сигнал вызывает познанное переживание ощущения. Так, когда мы ощущаем прикосновение, это ощущение происходит у нас в мозге, а не на коже; ощущение горького вкуса рождается не в языке, а в мозге» (Хилгард).

Первым, кто классифицировал ощущения, был Аристотель. Он выделил пять чувств: зрение, слух, осязание, обоняние и вкус (Общая психология 2005). И до сегодняшнего дня психолингвисты исходят из того, что «материальный мир воспринимается по пяти чувственным каналам» (Красных 2012: 109). Соответствующие каналы обозначаются как модальные. В специальной литературе список модальных каналов колеблется от трех (визуальный, аудиальный, кинестетический) до семи и более: кожные модальности, воспринимают холод, тепло, боль; визуальная, или зрительная модальность воспринимает свет, цвет, форму внешних объектов. Выделяются также густаторная, или вкусовая; ольфакторная, или обонятельная модальности; аудиальная, или слуховая – восприятие громкости звука и высоты тона; кинестетическая модальность, информирующая о тактильных ощущениях, среди которых осязательные сигналы, ощущение давления на кожу, мышечные ощущения, чувство равновесия (Хилгард; Бол.псих.слов. 2007). В начале XX века английский нейрофизиолог, впоследствии Нобелевский лауреат, Сэр Чарльз Шеррингтон выделил три типа ощущений: экстероцептивные (дают образы внешнего мира), интероцептивные (ощущения голода, жажды и т.п.) и проприоцептивные (положение тела и его частей в пространстве) (Sherrington). В фокусе нашего внимания в данной публикации находится информация, поступающая от экстероцепторов.

Обратим внимание на то обстоятельство, что каждый квант полученной мозгом сенсорной информации остается в значительной степени «вещью в себе». Подобная информация принадлежит исключительно человеку-экспириенцеру, человеку-биологическому существу, ею еще нельзя поделиться с другим человеком. Психолингвист Т.Н. Ушакова пишет: «Каждый человек видит предметы, слышит звуки, воспринимает запахи... в соответствии с устройством органов чувств, мозга, со своим *личным* опытом, *индивидуальными* особенностями и возможностями, в принципе вне зависимости от того, находится ли он в одиночестве или в общении с другими людьми» (Курсив наш И.К.) (Ушакова 2011: 51). В данном случае функционирует первая сигнальная система. «Это то, что мы имеем в себе как впечатления, ощущения и представления от окружающей внешней среды, ...исключая слово, слышимое и видимое. Это — первая сигнальная система действительности, общая у нас с животными» (Павлов 1951: 335).

Однако человек, будучи существом социальным, стремится передать имеющуюся у него информацию (в данном случае говорим о сенсорной информации об окружающем мире), другому человеку, что возможно только с помощью второй сигнальной системы, с помощью языка/речи. Для того, чтобы это стало возможным, квант сенсорной информации должен быть ослвлен, назван. Речь как вторая сигнальная система, как семиотическая система — это «идущие в кору от речевых органов вторые сигналы, сигналы сигналов. Они представляют собой отвлечение от действительности и допускают обобщение, что и составляет специально человеческое, высшее мышление, создающее сперва общечеловеческий эмпиризм, а, наконец, и науку» (Там же). Иначе говоря, речь есть неотъемлемое условие передачи информации от одного индивида (владеющего ею) другому индивиду. «Общечеловеческий эмпиризм» понимаем как совместное владение некоторыми знаниями, которые используются членами человеческого социума в их совместной деятельности. «Информация, передаваемая посредством вербальных сигналов, тесным образом связана с *социумом*, ее адресатом являются *другие люди*. Вербальные процессы «удерживают» новое знание и осуществляют функцию транспортировки информации от одного человека к другому» (Курсив наш – И.К.) (Ушакова 2011: 51).

Номенклатура сенсорных ощущений безгранична, но среди них выделяются базовые ощущения, которые в процессе филогенеза обрели стойкую второсигнальную (языковую, словесную) фиксацию. В данной публикации нас интересуют подобные *узуальные* смысловые-словесные единицы, номинирующие *базовые* ощущения двух модальностей: визуальной и густаторной.

Результаты и обсуждение

Восприятие сигналов визуальной модальности информирует человека о форме, цвете, удаленности, освещенности объектов окружающего мира. Для конкретного исследования сосредоточимся на соотношении сигналов первой и второй сигнальной систем, информирующих о цвете. Иначе говоря, обратим внимание на номинации *колористического* кода, на цветообозначения.

Восприятие сигналов густаторной модальности информирует человека о вкусовых параметрах продуктов, употребляемых в пищу или, по меньшей мере, попадающих человеку в рот. Обратим внимание на номинации *густаторного* (вкусового) кода.

Предметом исследования выбираем английские, украинские и русские названия базовых участков цветового спектра (красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый) и ахроматические цвета (белый, черный), а также названия основных вкусов (горький, сладкий, кислый, соленый).

Данные номинации рассматриваются в лингвокогнитивном аспекте. Нас интересуют вопросы сенсорных прототипов, сенсорной метафоризации и синестезии, которые имеют место в соответствующих лексических микрогруппах языковой системы английского, украинского и русского языков.

Обращает на себя внимание генеральная характеристика изучаемых нами языковых единиц: все они являются именами прилагательными, что в когнитивном плане принципиально отличает их от двух других основных частей речи (имен существительных и глаголов). Как утверждает Е.С.Кубрякова, во-первых, «класс этот не универсален и, должно быть, развивается позднее других частей речи» (Кубрякова 2004: 283). А во-вторых, в отличие от существительных, называющих объект, прилагательные осуществляют «выделение признаков (которое) достаточно субъективно, культурнозависимо, а их связь с оценкой и интерпретацией позволяет говорить о известной неясности или неопределенности границ их значения (ср. *теплый длинный, сладкий*)» (Там же: 282). А в третьих, и это главное, когнитивное различие существительных и прилагательных «держится на онтологическом различии в экзистенции объекта как такового и любых его признаков (которые) не имеют автономного природного существования и привязаны к объектам, представляя собой некую отвлеченную сторону их бытия. Цвет яблока или его вкус физически не могут быть отделены от него и обозначаются как его свойства прилагательными» (Там же: 285).

В нашем исследовании вышеозвученные постулаты чрезвычайно важны, поскольку напрямую связаны с проблемой наличия/отсутствия прототипического сенсорного образа, номинируемого соответствующими лексическими единицами. Вкус и цвет, чьи обозначения находятся в фокусе нашего внимания, как замечает Е.С.Кубрякова, «не имеют автономного природного существования и привязаны к объектам, представляя собой некую отвлеченную сторону их бытия».

В связи с этим, полагаем, что большинство из анализируемых нами номинаций густаторного и колористического кода должны опираться на тот или иной перцептивно воспринимаемый объект, носитель соответствующей качественной (вкусовой, цветовой) характеристики. Психологи утверждают, что чувственные данные, полученные в процессе восприятия, формируются «в наглядный образ и тотчас приобретают предметное значение, т.е. относятся к *определенному предмету*» (Курсив наш – И.К.) (Рубинштейн 2002: 277).

Другое наше предположение сводится к тому, что словарные дефиниции узуальных номинаций должны отражать *филогенетически устоявшиеся* пары воспринимаемого объекта и его прототипической характеристики в области вкусовых или же колористических ощущений. Подобный объект (носитель характеристики) называем **сенсорным образом-прототипом**.

Следующее наше предположение заключается в том, что подобные сенсорные образы-прототипы могут быть как общечеловеческими, так и этнокультурно обусловленными.

Располагая выборкой номинаций густаторного и колористического кодов из трех языков (английского, украинского и русского), проведем соответствующий анализ. Общий объем микрогруппы колористических номинаций по трем языкам равен 8 кластерам: (1) *black*, *чорний*, *черный*; (2) *white*, *білий*, *белый*; (3) *red*, *червоний*, *красный*; (4) *orange*, *оранжевий*/ *жовтогарячий*, *оранжевый*; (5) *yellow*, *жовтий*, *желтый*; (6) *green*, *зелений*,

зеленый; (7) *blue*, *синій* – голубий/блакитний, *синий* – голубой; (8) *violet*, *фіолетовий*, *фиолетовый*. Дефиниционный анализ 28 колористических номинаций показал, что каждый участок цветового спектра имеет сенсорный образ-прототип, иногда более одного.

Анализ также позволил выявить эталоны так сказать «разной степени прототипичности». Под этим понимаем следующее: некоторые эталоны упоминаются в дефинициях номинативных единиц всех *трех* языков: например, **кровь** для номинаций красной части цветового спектра, см.: *red* [having the colour of *blood*], *червоний* [кольору *крові*], *красный* [цвета *крови*]. Такими **абсолютными образами-прототипами** оказываются: **снег** для белого цвета, **уголь** для черного цвета, **трава** для зеленого, **золото** для желтого и **апельсин** для оранжевого.

Частотными образами-прототипами следует считать те, которые зафиксированы в словарях *двух* из трех языков. По данным нашего исследования, к ним относятся: **мел** для белого цвета в украинском и русском языках, **сажа** для чёрного цвета (укр., рус.), **небо** для синего цвета и **яичный желток** для желтого цвета в английском и украинском языках.

Уникальными образами-прототипами считаем такие, которые встречаем в словарях *одного* из трех анализируемых языков. В нашей выборке такими прототипами оказываются: **молоко** для белого цвета (англ.); **ночь** для черного (англ.); **огонь**, **рубины** для красного цвета (англ.); **изумруды** (англ.), **зелень** (укр.), **листва** (рус.) для зеленого цвета; **лимон**, **солнце** (англ), **цветок подсолнечника** (укр.), **песок** (рус.) для желтого; **морковь** для оранжевого (укр.) и **фиалка** (рус.) для фиолетового цвета.

Можно ли увидеть этноспецифические особенности выбора образов-прототипов в разных языках? С нашей точки зрения, некоторые (но, безусловно, не все) из уникальных образов-прототипов в значительной мере обусловлены традиционной картиной повседневного быта того или иного этноса. Такими в первую очередь оказываются прототипы **цветок подсолнечника** и **морковь** для украиноязычной картины мира, которые, безусловно, больше знакомы носителям этого языка, чем **лимон**, **рубины** и **изумруды** – носителям английского языка. В то же время **молоко**, **ночь**, **огонь**, **зелень**, **листва**, **песок**, **фиалка**, все же, следует отнести к объектам, знакомым представителям всех трех этносов. Их выбор в качестве образа-прототипа при дефиниции основной семемы соответствующих лексем опирается на авторитет составителей словарей.

Обращаясь к номинациям густаторного кода, видим менее пеструю картину в плане выбора сенсорного образа-прототипа. Напомним, мы исследуем номинации четырех базовых вкусов: горького, сладкого, кислого и соленого. Первый из этих вкусов полностью лишен какого-либо прототипического эталона. Его определение в словарях сводится к описанию неприятного, острого вкуса, противоположного сладкому вкусу: *bitter* [a taste that is *sharp*, *acrid* and *unpleasant*, not *sweet*], *гіркий* [який має своєрідний *різкий* смак (прот. *солодкий*)]. Остальные три вкуса имеют как абсолютные, так и частотные и уникальные образы прототипы, упоминаемые в дефиниционных статьях трех языков. К **абсолютным**

образам-прототипам в номинациях густаторного кода относим: **сахар** для сладкого вкуса, **лимон** для кислого и **соль** для соленого.

Частотными образами-прототипами словари заявляют: **мед** для сладкого (укр., рус.), **уксус** для кислого (укр., рус.). Данные субстанции/объекты как носители соответствующих вкусовых характеристик, очевидно, относятся к общечеловеческой материальной культуре

Уникальным образом-прототипом оказывается только **морская вода** (*seawater*) для соленого вкуса в английском языке. Последний случай полагаем проявлением этноспецифичности англоязычной картины мира, отражающей островное положение Британии, окруженной морями, и роль моря, морского транспорта в истории этноса. Подробнее об этом см.: (Загребельная 2012).

Суммарная выборка анализируемого лексикографического материала представлена 40 лексемами, основными семемами в которых выступают номинации колористического и густаторного кодов в английском, украинском и русском языках. Из общего числа только семь словарных единиц являются моносемантами, т.е. лексемами с одним значением. Это номинации фиолетового участка цветового спектра во всех трех языках: *violet*, *фіолетовий*, *фиолетовый*, а также лексемы *блакитний*, *жовтогарячий* в украинском и *orange*, *оранжевый* в английском и русском языках. Среди номинаций густаторного кода таких единиц нет вообще.

Обратим внимание на полисемичные лексемы и под лингвокогнитивным углом зрения рассмотрим, какие процессы семантической деривации там происходят. В приводимой выше точке зрения Е.С. Кубряковой на лингвокогнитивные особенности прилагательных упоминалось, что выделение признаков «позволяет говорить о известной неясности или неопределенности границ их значения» (Кубрякова 2004: 282). В микрогруппе номинаций колористического кода отмечаем подгруппу единиц, в которых стойко проявляется подобный «размытый» характер цветообозначений. К ним относятся номинации ахроматических цветов (белый, черный) и трех хроматических цветов (красного, синего, зеленого).

Зрительные ощущения цвета связаны с воздействием света на глаз, или в научной терминологии, с воздействием электромагнитных волн, длиной от 390 н.м. (фиолетовый цвет) до 780 н.м. (красный цвет), (н.м. – нанометр = одна миллиардная доля метра). Цветная поверхность отражает волны разной длины (Рубинштейн 2002: 258). Иначе говоря, у каждого хроматического цвета есть своя оптико-физическая характеристика. Основные цветообозначения называют соответствующие характеристики референтов, имеющих те или иные объективные параметры.

Однако в словарных дефинициях лексемы *червоний* зарегистрирована семема со значением [який зробився темно рожевим від припливу крові, із рожевими щоками]. Лексема *green* имеет одно из значений [*pale and sickly looking*]. Лексемы *синий* – [(о коже) сильно побледневший], *синій* – [з відтінком такого кольору (середнє між голубим і фіолетовим) (про обличчя)]. Совершенно очевидно, что объективные цветовые характеристики, называемые этими семемами, не соответствуют оптико-физическим

параметрам красного цвета (780-610 н.м.), зеленого (560-510 н.м.) или синего (470-450 н.м.) цветов. Таким образом, оставаясь номинациями цвета, эти слова демонстрируют «неопределенность границ их значения», которая, кроме ситуативного контекста (описание цвета лица), эксплицируется и дефиниционными признаками [темно рожевий] для *червоного*, [pale] для *green*, [побледневший] для *синего*. О нашем понимании дефиниционных признаков и их роли в лингвокогнитивном описании лексической семантики см.: (Колегаева 2018).

В еще большей степени подобная «размытость» свойственна номинациям ахроматических цветов, которые в своем основном значении соответствуют тем ситуациям объективной реальности, в которых «поверхность, не отражающая падающий на нее свет, имеет черный цвет, поверхность, целиком отражающая свет, имеет белый цвет» (Рубинштейн 2002: 259). Полностью пренебрегая подобными параметрами, языковой узус выработал следующие варианты цветообозначений: *white* [used in the names of food and drink products, many of which are not white but slightly cream, yellow, grey: *white wine*], *белый* [светлый: *белый хлеб*, *белое вино*]. Как было видно из вышеприведенных цветообозначений с «размытой» номинацией цветовых характеристик, бледное лицо, землистого, нездорового цвета, может характеризоваться как *синее* и зеленое (*green*). Также оно может характеризоваться как *white* [having a pale face because you are not well, or you are feeling shocked], *білий* [зблідлий].

Номинация ахроматического черного цвета демонстрирует единичный случай «размытой» цветосемантики: семема лексемы *чорний* имеет дефиницию [виготовлений із темного, житнього борошна]. Хлеб, объективно попадающий в гамму коричневых цветов, тем не менее, номинируется как *чорний*.

Утверждаем, что такое свойство семантики имен прилагательных, отмеченное Е.С. Кубряковой, как «неясность и неопределенность границ их значения», ярко проявляется в адъективных колорониминациях, однако полностью отсутствует в номинациях вкуса.

Лексемы густаторного и колористического кодов являются сигналами второй сигнальной системы, обозначающей сигналы первой сигнальной системы (по И.П. Павлову), иначе говоря, это слова, которые вербализуют ощущения, сенсорную информацию, поступающую от разномодальных систем человека как биологического существа (визуальной, аудиальной, густаторной, тактильной, ольфакторной). В некоторых случаях происходит такое явление, при котором сигналы одной модальности воспринимаются в терминах другой модальности. Из психологии и физиологии в литературоведение и лингвистику перешел термин *синестезия*, обозначающий данный феномен. Так, психологи объясняют: «Взаимосвязь ощущений проявляется в так называемой синестезии, слиянии качеств различных сфер чувствительности, при котором качества одной модальности переносятся на другую, разнородную, например, при цветном слухе (*audition colorée*) качества зрительной сферы – на слуховую» (Рубинштейн 2002: 218). Известно, что Н.А. Римский-Корсаков

таким образом характеризовал тембровые характеристики различных деревянных духовых инструментов в разных регистрах: флейта – в низком регистре звук *матовый, холодный*, в высоком регистре – *блестящий*, гобой – в высоком регистре звук *сухой* (Там же: 250). Обратим внимание на то, что сенсорная характеристика аудиальной модальности (тембр звучания) номинирована композитором с помощью лексем, называющих сигналы визуальной (*матовый, блестящий*) и тактильной модальностей, последней, в частности, через характеристики температурного (*холодный*) и осязательного (*сухой*) кодов.

Наше исследование показывает, что узуально закреплённые случаи синестезии в сенсорной лексике более сойственны номинациям густаторного кода, нежели колористического. В колористическом коде бесспорным примером синестезии, иллюстрирующем цветной слух, является одна из семем лексемы *white* со значением [a music tone quality characterized by a controlled pure sound, a lack of warmth and colour, and a lack of resonance]. Таким образом, *белый звук* через отсылку к ахроматическому цвету определяется как *акустический* феномен, лишенный резонанса (*акустический* код), теплоты (*температурный*) и цвета (*колористический*).

Другим примером, впрочем, не бесспорным, выступает семема *blue* [(music) relating to or used in blues a *blue song*]. Википедия по-разному поясняет этимологию слова *блюз (blues)*, от которого якобы и происходит данная семема прилагательного *blue (song)*, как названия музыкального жанра. Во-первых: «впервые термин встречается в марте 1912 года, когда был опубликован блюз *Dallas Blues*, написанный Х. Уэндом», во-вторых: «впервые термин использовал Д. Колман в фарсе *Blue Devils* (1798)». Англоязычная Википедия однозначно отсылает этимологию слова *blues* к словосочетанию *blue devils*. И далее уточняет, что оно появилось в Британии еще в 1600, относясь к «интенсивным визуальным галлюцинациям, сопровождавшим сильнейшее алкогольное опьянение» (Devi). Кроме того, в статье журналистки Деборы Дэви говорится о том, что со временем «фраза стала обозначать просто депрессивное состояние».

С этим утверждением согласуется и дефиниция прилагательного *blue*, имеющая одно из значений [gloomy, depressed, dismal]. В связи с вышесказанным данный пример семантической деривации прилагательного *blue*: цветообозначение —> обозначение типа музыкального звучания (*blue song*) правильнее толковать не в качестве синестезии как таковой, которая является разновидностью сенсорной метафоризации, но как цепочное продолжение этой метафоризации (которая уже в этом, производном случае носит синестетический характер): *blue* (цвет) —> *blue* (настроение) —> *blue* (музыка).

Попутно отметим, что ни украинский, ни русский язык подобных (синестетических) узуальных сдвигов семантики в цветообозначениях не имеет.

По-иному обстоит ситуация с номинациями густаторного кода, тут обозначения всех четырех вкусов имеют синестетические семемы. По крайней мере, это относится к английскому (в большей мере) и украинскому

языкам. Сладость, например, оказывается «синестетически перемещенной» характеристикой при квалификации звука: *солодкий* [приемный (про голос)], *sweet* [(of sound) melodious or harmonious], а также при определении музыки [*jazz played at steady tempo without improvisation*]. Сладость (густаторная характеристика) в английском языке может характеризовать запах *sweet* [*fragrant, smelling pleasant sweet scented flowers*], превращаясь в ольфакторную характеристику, или же может становиться визуальной характеристикой [*delicately pleasing to the eye*].

Два вкуса (кислый и соленый) в англоязычном узусе синестетически перемещаются на обозначение ощущений ольфакторной модальности: *sour* [having a rancid smell; smelling of decay], *salt* [having a salty smell].

Горький вкус из номинативной единицы густаторного кода перемещается в температурный код: *bitter* [(of wind or weather) intensely cold].

Выводы

1. Рассмотренные в данной публикации английские, украинские и русские узусальные цветообозначения вербализуют сенсорную информацию о 8 основных участках цветового спектра (6 хроматических и 2 ахроматических), а сенсорная информация о 4 основных вкусах вербализуется изученными здесь узусальными единицами густаторного кода. Практически в каждой из 40 анализируемых лексем дефиниционные статьи информируют о перцептивно воспринимаемых объектах, носителях соответствующей качественной (вкусовой, цветовой) характеристики. Мы предлагаем называть их образами-прототипами. Утверждаем, что выбор образов-прототипов филогенетически обусловлен. Среди них (в зависимости от представленности во всех трех, двух или в одном из языков) выделяем абсолютные, частотные и уникальные образы-прототипы. Некоторые из прототипов обусловлены этнонациональной картиной мира (например, цветок подсолнечника для прилагательного *жовтий* в украинском языке, морская вода для прилагательного *salt* в английском языке), однако большинство образов-прототипов носят общекультурный характер (например, кровь для прилагательных *red*, *червоний*, *красный*).

2. Нечеткость семантических границ цветообозначений в ряде семем имен прилагательных (*white, green, червоний, синій, чорний, синий*) есть проявление основополагающей характеристики частеречной (а именно адъективной) семантики, ее «размытости», нечеткого соответствия объективных опико-физических характеристик и их второсигнального/языкового обозначения (например, *черный хлеб* реально имеет *коричневый* цвет, *green face* обозначает *бледное* лицо).

3. Психологический и когнитивный феномен синестезии, отражаясь в системе узусальных лексических единиц, расширяет палитру номинативных ресурсов трех рассматриваемых в данном исследовании языков. Причем английский язык намного чаще демонстрирует такой вид сенсорной метафоризации номинативных единиц колористического (*white music tone*) и (в большей степени) густаторного (*bitter=cold wind, солодкий голос*) кодов. Следует упомянуть высказывание Е.А. Селивановой относительно того, что еще Аристотель, по мнению С. Ульманна, полагал синестезию

наидревнейшей и, возможно, универсальной формой метафоры (Селіванова 2017: 117).

О роли метафоры, изучение которой, по афористичному замечанию Н.Д. Арутюновой, «позволяет увидеть то сырье, из которого делается значение слова» (Арутюнова 1990: 10), речь пойдет во второй статье данной публикации.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник / Общ. Ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С.5-32.

Загребельная Н.В. Лексико-семантическое поле «Водное транспортное средство» как фрагмент англоязычной наивной и профессиональной картины мира: диссертация канд. филол. наук. Одесса, 2012. 194с.

Колегаєва І.М. Конструювання номінативного поля концепту: етапи та одиниці // Записки з романо-германської філології / Одеський національний університет імені І.І.Мечникова: ф-т романо-германської філології. Вип. 1 (40). Одеса: КП ОМД, 2018. С.121-127.

Красных В.В. Основы психолінгвістики: Лекционный курс. Изд.2-е, доп. М.: Гнозис, 2012. 333 с.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Павлов И. П. Полн. собр. соч., 2 изд., т. 3, кн. 2, 1951. С. 335-336.

Общая психология: Учебник / Под общ.ред. проф. А.В.Карпова. М.: Гардарики, 2005. 232 с.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Спб.: Издательство Питер, 2002. 720 с.

Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: Підручник. Вид. 2-е, виправл. і доп. 2017. 890 с.

Ушакова Т.Н. Рождение слова: Проблемы психологии речи и психолінгвістики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 524 с.

Хилгард Э. Введение в психологию. Режим доступа: <http://docpsy.ru/lektsii/obshchaya-psikhologiya.html>

Devi D. Why is the Blues Called 'Blues'? – Huffington Post, 4 January 2013.

Sherrington Ch. The Integrative Action of Nervous System. New Haven: Yale Univ. Press, 1920. 404 p.

Большой психологический словарь. Спб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 672 с.

References

Arutjunova, N.D. (1990). Metafora i diskurs. In Teorija metafor: Sbornik./ Obshh. Red. N.D. Arutjunovoj i M.A. Zhurinskoj. M.: Progress, 5-32.

Zagrebel'naja, N.V. (2012). Leksiko-semanticheskoe pole «Vodnoe transportnoe sredstvo» kak fragment anglojazychnoj naivnoj i professional'noj kartiny mira: dissertacija kand. filol. nauk. Odessa.

Kolegaeva, I.M. (2018). Konstruivannja nominativnogo polja konceptu: etapi ta odinici. In Zapiski z romano-germans'koj filologii. Odes'kij nacional'nij universitet imeni I.I.Mechnikova: f-t romano-germans'koj filologii. Vip. 1 (40). Odesa: KP OMD, 121-127.

Krasnyh, V.V. (2012). Osnovy psiholingvistiki: Lekcionnyj kurs. Izd.2-e, dop. M.: Gnozis.

Kubryakova, E.S. (2004). Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury.

Pavlov, I. P. (1951). Poln. sobr. soch., 2 izd., t. 3, kn. 2, 335-336.

Obshhaja psihologija: Uchebnik (2005). Pod obshh.red. prof.A.V.Karpova. M.: Gardariki.

Rubinshtejn, S.L. (2002). Osnovy obshhej psihologii. Spb.: Izdatel'stvo Piter. Selivanova, O.O. (2017). Suchasna lingvistika: naprjami ta problemi: Pidruchnik. Vid. 2-e, vipravl. i dop.

Ushakova, T.N. (2011). Rozhdenie slova: Problemy psihologii rechi i psiholingvistiki. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN».

Hilgard, Je. Vvedenie v psihologiju. Rezhim dostupa: <http://docpsy.ru/lektsii/obshchaya-psikhologiya.html>

Devi, D. Why is the Blues Called 'Blues'? – Huffington Post, 4 January 2013.

Sherrington, Ch. (1920). The Integrative Action of Nervous System. New Haven: Yale Univ. Press.

Bol'shoj psihologicheskij slovar' (2007). Spb.: Prajm-EVROZNAK.

Стаття надійшла до редакції 28.07.2018 р.